
К вопросу о связи структуры языка и логико-смысовых конфигураций*

© 2023 г. С.Ю. Бородай

Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: sergey_boroday@inbox.ru

Поступила 18.06.2023

Структура языка – обобщенное понятие, включающее в себя все средства выражения лексического и грамматического значения, обладающие достаточно высокой степенью абстрактности и регулярности (например, префиксация, суффиксация, чередование, инфиксация и пр.). Основной вопрос статьи: возможна ли корреляция между доминирующими в языке средствами выражения, с одной стороны, и характерными для носителя языка паттернами мышления и их продуктами, логико-смысловыми конфигурациями, с другой? В первой части статьи рассматривается вопрос о том, как нужно понимать «структуру» языка в свете типологии. Приводится критика двух основных метафор – ономатетической («язык как набор слов») и аддитивной («язык как набор морфем и принципов их сочетания»). Демонстрируется, что они отражают узкие и наивные представления об устройстве языка и применимы лишь к ограниченному числу языков, и то лишь отчасти. Далее рассматриваются три более широких подхода к описанию структуры – элементно-комбинаторный, элементно-операционный и словесно-парадигматический, и тоже демонстрируется их ограниченная применимость. Во второй части представлена попытка сформировать фундамент для глубокого рассмотрения основного вопроса статьи. Для этого вводится понятие морфосинтаксического типа как базовой характеристики языка, отражающей специфику его средств выражения и внутреннего устройства. В свете типологии предлагается выделять три типа – «ограниченно-сегментированный», «неконкатенативный» и «морфология ad hoc» (примеры – ранние индоевропейские языки, арабский язык и языки могаук, соответственно). Предположительно, эти три типа отражают три различных доминанты в репрезентации связности в языке, имеющей место на когнитивном уровне (то есть в когнитивном бессознательном).

Ключевые слова: язык, структура, структура языка, когнитивное, психолингвистика, морфосинтаксический тип, морфосинтаксическая операция, связность, морфема, корень, корневое.

DOI: 10.21146/0042-8744-2023-12-37-49

Цитирование: Бородай С.Ю. К вопросу о связи структуры языка и логико-смысовых конфигураций // Вопросы философии. 2023. № 12. С. 37–49.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01509, <https://rscf.ru/project/22-28-01509>

On the Relationship between Language Structure and Logical-Sense Configurations*

© 2023   Sergey Yu. Boroday

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: sergey_boroday@inbox.ru

Received 18.06.2023

Language structure is a generalized concept that includes all the means of expression of lexical and grammatical meaning, which have a sufficiently high degree of abstractness and regularity (for example, prefixation, suffixation, alternation, infixation, etc.). The main question of the article is a correlation possible between the dominant means of expression in the language, on the one hand, and the patterns of thinking that are characteristic of a native speaker and their products, logical-sense configurations, on the other hand? The first part of the article deals with the question of how the “structure” of language should be understood in the light of typology. It criticizes the two main metaphors – onomathetic (“language as a set of words”) and additive (“language as a set of morphemes and principles of their combination”). It is demonstrated that these metaphors reflect narrow and naive ideas about the structure of language and are applicable only to a limited number of languages, and only partially. Three broader approaches to describing structure – “Item and Arrangement”, “Item and Process” and “Word and Paradigm” – are then considered, and their limited applicability is also demonstrated. The second part presents an attempt to form the basis for an in-depth consideration of the main issue of the article. For this purpose, the notion of morphosyntactic type is introduced as a basic characteristic of language, reflecting the specificity of its means of expression and internal structure. In the light of the typology, it is proposed to distinguish three types – “limited-segmented”, “nonconcatenative” and “morphology ad hoc” (examples are early Indo-European languages, Arabic and Mohawk respectively). Presumably, these three types reflect three different dominants in the representation of connectivity in language occurring at the cognitive level (i.e., in the cognitive unconscious).

Keywords: language, structure, language structure, cognitive, psycholinguistics, morphosyntactic type, morphosyntactic operation, connectivity, morpheme, root.

DOI: 10.21146/0042-8744-2023-12-37-49

Citation: Boroday, Sergei Yu. (2023) “On the Relationship between Language Structure and Logical-Sense Configurations”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2023), pp. 37–49.

«Структура языка» – обобщенное понятие, включающее в себя все средства выражения лексического и грамматического значения, обладающие достаточно высокой степенью абстрактности и регулярности. В широком смысле сюда входят морфология, синтаксис, лексическая сочетаемость, просодия и прагматика. В узком смысле можно говорить о морфологии и синтаксисе, или о «грамматике». Совокупность средств выражения и составляет структуру языка (также принято говорить о форме, устройении,

---

* The article was prepared with the support of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-01509, <https://rscf.ru/project/22-28-01509>

паттерне, способе связности и пр. – сейчас это для нас не так существенно). Основной интересующий нас вопрос: возможна ли корреляция между доминирующими в языке средствами выражения, с одной стороны, и характерными для носителя языка паттернами мышления и их продуктами, логико-смысловыми конфигурациями – с другой? В ряде современных теорий утверждается, что таковая корреляция имеет место в случае арабского языка с его «процессуальной» доминантой и многочисленными сферами арабо-мусульманской культуры; для индоевропейских же языков предполагается аналогичная корреляция, но с другой доминантой – не «процессуальной», а «субстанциальной»; при этом под «логико-смысловой конфигурацией» нужно понимать способ организации смысла, как он представлен в различных областях культуры – например, в онтологии, логике и музыке [Смирнов 2021; Смирнов 2023; Шамилли 2023]. В данной статье мы попытаемся рассмотреть идею корреляции *sub specie* типологии, благодаря чему, как мы надеемся, удастся поставить ее на более твердую почву.

Основная мысль состоит в том, что, говоря об устройстве языка, необходимо учитывать, что *естественный язык* структурирован гораздо сложнее, чем способна представить любая унифицирующая концепция, в том числе «блоковая» (по которой язык складывается из элементарных блоков во что-то вроде архитектурного сооружения). В философии распространена точка зрения, что сущностным аспектом естественного языка является *слово*, обладающее *референцией*, а сам язык устроен как *набор слов*. Ошибочность этой позиции, в основе которой лежит «ономатетическая метафора», ясна уже при первом приближении к естественному языку, и далее мы более подробно покажем, почему это так еще и в типологическом плане. Если исследователь смог преодолеть ономатетическую метафору, то он часто переходит к аддитивной метафоре, согласно которой естественный язык состоит из строительных блоков-морфем и операций их сложения, с помощью которых реализуются процессы словообразования и словоизменения. Обратимся к следующим примерам:

Примеры различной организации морфосинтаксиса
(полужирным шрифтом выделен корень слова)

русск. (1) лес <u>лесной</u>	русск. (2) <u>лежать</u> <u>лёт</u> <u>лёжа</u> <u>пролегать</u>	санскрит (3) корень <u>yu-</u> «запрягать» <u>yu-na-k-ti</u> «он запрягает» <u>ju-ñ-j-āthām</u> «(вы двое) запрягайтесь» <u>yog-a</u> «упряжь; йога»	арабский (4) корень k-t-b katabtu «я написал» maktubun «написанное»	могаук (5) A-etewa-te-na'tar- ón:ni -' «Мы должны приготовить себе немного кукурузного хлеба»
---	---	--	--	---

Образцовым примером аддитивности является устройство по модели *лес / лес-н-ой* (1); такая «блоковая» модель довольно широко распространена, и она отражает некоторую психолингвистическую реальность, но далеко не всю и лишь для языков определенного типа. Как можно видеть на примерах *лежать* и *уи-* (2; 3), в результате внутриморфемных чередований, фонологических процессов на границе морфем и таких морфосинтаксических операций, как инфиксация (вставление грамматической морфемы в корень), корневая морфема может разрываться на части и модифицироваться почти до неузнаваемости – так, по сути, указанные формы глагола *лежать* объединяет лишь корневой звук [l'], а приведенные дериваты глагола *уи-* не объединяют ни один корневой звук! Как следствие подобного развития корень и другие морфемы постепенно становятся для носителя языка *когнитивно непрозрачными*, а грамматическое значение имеет тенденцию к дисперсии по всей словоформе.

Другой интересный пример дает арабский язык (4), где в стандартный трехсогласный корень в соответствии с различными моделями вставляются гласные, с помощью

чего порождаются словоформы с разными лексико-грамматическими значениями¹. В литературе такая морфология, последовательно разрывающая корень на части, получила название «неконкатенативной», и, как можно заметить, она совсем не вписывается в аддитивное представление. Не менее интересный пример организации морфологии дает американский язык могаук, в котором широко распространены целые слова-предложения вроде того, что приведено выше (5). В глагольную словоформу вставляется корневая морфема имени и к этой основе добавляются префиксы и суффиксы с лексическими и грамматическими значениями, в результате чего одно слово отображает комплексную смысловую ситуацию (для описания такой ситуации имеются и альтернативные «аналитические» конструкции, состоящие из нескольких слов). Аддитивность здесь в целом остается, но специфика состоит в том, что словоформы-предложения, похоже, не хранятся в памяти в готовом виде, а каждый раз конструируются *ad hoc* (отсюда и название для такого устройства – морфология *ad hoc*)².

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что, хотя аддитивная метафора (по модели *лес/лес-н-ой*) отражает прототип, характерный для некоторых языков, все же она не является образцовой для естественного языка в целом. Даже на этом описательном уровне – еще без обращения к психолингвистике – мы видим, что языки предлагают различные способы «модификации» формы и содержания, то есть отражают различные способы «связности», и потому необходим такой инструментарий, который будет в состоянии схватить это разнообразие³.

Ономатетическая метафора

Одно из распространенных заблуждений европейского бытового сознания, разделенное многими философскими системами, состоит в том, что существенным аспектом естественного языка является *слово*, а сам язык – это *набор слов*; иначе говоря, имеется устойчивая тенденция к пониманию феномена языка через призму лексики. И в подобной модели прототипическое слово – это, конечно, не союз или наречие, а *имя*. Мы называем такой взгляд *ономатетической метафорой*, или *словоцентризмом* [Бородай 2022⁶]. Эта метафора не является специфически европейской (или индоевропейской) – она распространена во многих древних и современных культурах. В ее основе лежит универсальное явление: носитель языка рассматривает сам феномен языка в связи с наиболее выделенными в когнитивном плане элементами. Для носителей индоевропейских (и многих других) языков это – «слова-имена», которые прототипически обладают функцией референции и «называют» вещи (или, в широком смысле, события). В праиндоевропейском мировидении эта наивная убежденность получила выражение в мифе об установителе имен – греческом «ономатете» (*όνοματοθέτης*), образ которого упоминается, среди прочего, в платоновском «Кратиле». По целому ряду причин (прежде всего, психолингвистического плана) эта модель оказалась удивительно устойчивой, в том числе в философии и науке. Однако она значительно упрощает и исказляет то, как язык функционирует в сознании и – что особенно важно – как *разные* языки функционируют в сознании. В пользу этого тезиса в работе [Там же] мы привели ряд аргументов, которые резюмируем ниже.

Во-первых, имеются основания полагать, что, несмотря на свою распространенность, ономатетическая метафора не является универсальной и выражает лишь определенный вариант *метапрагматической осведомленности*, характерный для носителей индоевропейских и ряда других языков. Под метапрагматической осведомленностью нужно понимать то, как носитель языка воспринимает особенности функционирования своего собственного языка в целом, то есть какие элементы и функции выводят на передний план, а какие – отводят на задний план или вовсе оставляют без внимания. М. Сильверстейн сформулировал пять (предположительно, универсальных) факторов такой осведомленности⁴. Учитывая особенность структуры индоевропейских языков – в основном синтетических и фузиональных, – некоторые из выделенных им факторов побуждают к тому, чтобы именно *референциальное, четко сегментируемое*

и метапрагматически прозрачное «слово-имя» воспринималось говорящим как центральная единица языка. Однако носитель языка с принципиально иной структурой, вероятно, мог бы определить в качестве значимых те элементы и функции, которые не кажутся актуальными носителям индоевропейских языков (или просто не находят аналога у них). Например, в некоторых инкорпорирующих языках имеет место ситуация, когда определенное «слово-имя» не может употребляться вне соответствующей глагольной словоформы, то есть употребляется лишь «внутри» такой словоформы. Ясно, что при распространенности такого рода узуа метапрагматические акценты будут расставлены иначе.

Во-вторых, ономатетическая метафора ошибается в том, что, с одной стороны, приравнивает референцию, то есть привычную функцию имени, к сущностной и универсальной функции языка как такового, а с другой – игнорирует **лингвоспецифичность** речевого указывания. Что касается первого соображения, то нужно отметить, что элементы языковой системы обладают большим числом разноплановых функций – референциальной, предикативной, реляционной, копулятивной, анафорической, прагматической, поэтому сведение языка только к одной из них значительно упрощает реальную ситуацию. Можно, конечно, сказать, что функция имени, то есть референция в привычном смысле, является прототипической. Это справедливо, но лишь отчасти, потому что всегда нужно выяснить, в каком именно плане она является прототипической и почему она такова для носителя данного языка. Кроме того, акт, характеризуемый нами в качестве прототипически референциального – называние конкретных и устойчивых объектов действительности, – может быть связан в других языках не с именами, а с глаголами. Так, если обратиться к типологии Л. Талми, то в противоположность «объектно-доминантным» индоевропейским языкам, «акционально-доминантные» языки, такие как юто-ацтекский язык ацтегеви, используют для называния конкретных и устойчивых объектов действительности глаголы [Talmy 2000, 42–46]. Это свидетельствует о том, что наше понимание акта референции лингвоспецифично. Данное положение станет еще более явным, если референцию мы истолкуем шире – как вообще речевое «указывание» на некое событие или ситуацию: в таком случае можно констатировать, что представленные в языках мира модели референции крайне разнообразны и не сводятся к упрощенной схеме «слово-имя => объект».

В-третьих, непросто обстоит дело и с ключевым элементом ономатетической метафоры – **понятием слова**. Похоже, не существует формальных морфосинтаксических признаков слова, которые позволили бы определить его как метаязыковой концепт. Фонологические критерии также не помогают, поскольку они недостаточно общие и часто ведут к явным континтуитивным результатам. В итоге все основные критерии, приводившиеся в литературе (возможность паузы, свободное использование, непрерывность, неизбирательность и пр.), в типологическом плане оказываются непригодными, и если подходить с позиций фонологии или морфосинтаксиса, то таких понятий, как «слово» должно существовать столько же, сколько существует языков. Конечно, для морфосинтаксического анализа это чисто негативный результат, и в этом плане более продуктивно было бы брать за основу понятие «морфосинтаксическое сочетание с различными степенями связности». Однако если рассматривать естественный язык в целом (а не только фонологию и морфосинтаксис), то использование понятия «слово» оправдано: помимо вполне однозначных свидетельств носителей разных языков, что в морфосинтаксическом континууме между минимальным знаком (морфемой) и фразой существует еще один когнитивно выделенный элемент (слово), имеются также важные данные нейролингвистики (в частности, касающиеся афазий) и психолингвистики, говорящие о том, что «слово» – это элемент, обладающий особой *пропозициональной* и *психологической* релевантностью. С помощью этого элемента в рамках данного языка осуществляется прототипическая референция, и он усваивается и используется в онтогенезе на холофрастической («слово-предложение») стадии. Психологически же «слова» – это элементы, составляющие основной фонд, или ядро, языковой памяти. Как можно заметить по этим определениям, что именно

является для носителя языка «словом», зависит от ряда факторов, и это нужно выяснить в случае с каждым языковым сообществом отдельно.

Если учесть приведенные соображения, то мы увидим, что довольно понятная и кажущаяся очевидной ономатетическая метафора «слово-имя => объект» является во многих отношениях проблематичной. Она, конечно, выражает склонность к пониманию феномена языка в связи с наиболее выделенными в когнитивном плане элементами – и это ее универсалистский аспект, но в то же время она содержит лингвоспецифичные и культуроspeцифичные черты: отражает определенную метапрагматическую осведомленность, предполагает ошибочное приравнивание именной референции к сущностной и универсальной функции языка, игнорирует лингвоспецифичность языкового указывания, игнорирует лингвоспецифичность слова. К этому нужно добавить, что сам концепт «объект» имеет множество культуроspeцифичных черт и отчасти зависит от типа усвоенного языка [Бородай 2020, 334–343]. По этой причине, как мы отмечали в другом месте, при осмыслении феномена языка необходимо перейти от наивной модели «слово-имя – референция – объект» к более универсальной модели «язык – соотнесение – событие», внутри которой лингвоспецифичность релевантна для всех трех компонентов [Бородай 2022⁶].

Аддитивная метафора

Если исследователь смог заглянуть за границы ономатетической метафоры – и так обычно бывает с профессиональными лингвистами и некоторыми философами, то он останавливается на *аддитивной метафоре*, согласно которой сущностным аспектом естественного языка является *морфема*, а сам язык – это набор морфем и принципы их сочетания. В такой схеме морфема понимается как минимальная значимая единица, при этом сами морфемы складываются из фонем; из морфем же складываются слова, из слов – предложения, из предложений – связная речь. Фонология имеет дело с фонемами и просодией, морфология – со словом и морфемами; синтаксис – с сочетанием слов. Морфология и синтаксис вместе составляют грамматику, которая характеризуется как формальным, так и значимым аспектом. К форме языка также относится фонология, а лексическая семантика и прагматика относятся к сфере значения.

Эта модель, существующая в сознании большинства лингвистов, удобна и практична, она во многих случаях работает, однако по целому ряду причин ее нельзя использовать, если имеется стремление понять *когнитивную* реальность языка (подробнее см. [Бородай 2022^a web]).

Стоит отметить, что даже в европейской лингвистике аддитивное представление морфологии является далеко не самым распространенным, а, скорее, исключением из правила (если смотреть в историческом срезе). Принято выделять три наиболее распространенных подхода к описанию морфологии: *элементно-комбинаторный*, *элементно-операционный* и *словесно-парадигматический* [Плунгян 2016; Bauer 2003]. К аддитивному типу, строго говоря, относится только первый подход, а также частично может быть отнесен второй; третий подход вообще не имеет к нему отношения. Каждый из этих подходов показал свою сравнительную эффективность применительно к языкам определенного класса, но ни один из них не может считаться универсальным, и сейчас мы увидим, почему.

Элементно-комбинаторный подход отражает аддитивную метафору в чистом виде: согласно этому подходу, морфология языка представляет собой набор целостных и законченных элементов – своего рода строительных блоков, из которых по определенным правилам складывается словоформа. Эта модель предполагает: 1) фонологическую прозрачность морфемы; 2) четкие границы между морфемами внутри словоформы; 3) когнитивное, семантическое и функциональное единство морфемы; 4) аддитивное приращение смысла. Модель лучше всего подходит для агглютинативных языков (собственно, лат. *agglutino* и означает «приклеивать»), то есть языков с четкими морфемными швами и однозначными (передающими только одно значение)

морфемами. Примером организации словоформы по сходному типу является уже упоминавшееся слово *лесной*.

Главная проблема элементно-комбинаторного подхода состоит в том, что ни один язык не устроен последовательно аддитивно, так, чтобы к нему можно было всецело приложить данную модель. Даже для агглютинативных языков она требует ряда решений *ad hoc*, а в случае языков иного типа ситуация обстоит еще хуже. Так, для фузионных языков, то есть языков с менее четкими морфемными швами, с возможными чередованиями морфем (большим числом алломорфов) и полисемантическими морфемами («флексиями»), которые способны нести сразу несколько значений, указанный подход вообще не работает. Это можно проиллюстрировать на примере таких русских словоформ, как *лежать*, *лёг*, *лёжа* и *пролегать*: на фонологическом уровне указанные примеры объединяет лишь корневой звук [л'], а остальные элементы морфемы чередуются. Сами чередования и мотивации чередований могут быть разными – они могут происходить как «внутри» морфем, так и на границах морфем. Все это делает когнитивное единство морфемы и границы морфем менее прозрачными.

Для описания подобных языков лучше годится **элементно-операционный подход**, суть которого состоит в том, чтобы представить протоморфему (или идеальную морфему) в более «формальном» ключе, а ее варианты – алломорфы – описать как модификации протоморфемы в тех или иных обстоятельствах. Таким образом, вводятся как минимум два уровня описания (но бывает и больше): «глубинное» и «поверхностное», а принципы выведения поверхностных вариантов из глубинных часто отражают реальные исторические процессы, происходившие с анализируемыми языками. Если взять приводившийся выше пример, то формальное представление корневой морфемы может выглядеть как [л' + е/о + г/ж], при этом оно должно содержать четкое описание условий чередования как внутри морфемы, так и на границе. Внутренняя логика элементно-операционного подхода ясна: он стремится хотя бы на глубинном уровне сохранить когнитивное единство морфемы и прозрачность морфемных швов, то есть упоминавшийся выше агглютинативный и аддитивный идеал, а также вообще дать унифицированное представление языка. Но и у этого подхода имеется ряд слабых мест: во-первых, он требует изобретения сложного формального аппарата, часто обладающего чертами произвольности; во-вторых, глубинные представления морфем и операций выведения также нередко произвольны и не подвергаются психолингвистической проверке; в-третьих, далеко не все процессы, происходящие с морфемами, можно формализовать или указать для них какую-то ясную мотивацию (просто потому, что они могут являться реликтами прошлых эпох). Кроме того, как показывает практика, степень успешности элементно-операционного подхода сильно зависит от характера описываемого языка. Если для русского языка он работает достаточно хорошо, то его последовательное применение, например, к древнегреческому или санскриту ведет к ряду сложностей, поскольку в этих языках имеет место высокая степень «фузии» и неполная определенность локализации грамматического значения, то есть грамматические морфемы фонологически непрозрачны, границы между ними неочевидны, а когнитивное и функциональное единство морфемы является скорее исключением, чем правилом (ср. пример санскритского корня *uij-* из вышеупомянутой таблицы).

Отталкиваясь именно от реалий древнегреческого языка, античные грамматисты создали собственный способ описания морфологии, известный как **словесно-парадигматический подход**. Согласно этому подходу, слово не может быть последовательно представлено как состоящее из более мелких значимых элементов, или того, что позднее будет названо «морфемами». Конечно, носители древнегреческого языка, в том числе грамматисты, выделяли более мелкие элементы, чем слово, однако они не учитывали это членение при описании словоизменения. Согласно античным представлениям, при словоизменении происходит не добавление «приставок» и «окончаний» к корням, но изменение слова целиком. Как следствие, классификация слов осуществлялась не по типу присоединяемых грамматических элементов («флексий»), а по тому,

какому паттерну изменений они соответствуют – отсюда и понятие «парадигмы», то есть «образца», в значении такого паттерна.

Этот подход объясним реалиями древнегреческого языка: в нем явные индоевропейские архаизмы в области морфологии сочетаются с далеко зашедшими фонологическими процессами, приведшими к стяжению исконных индоевропейских морфем внутри словоформы, что особенно заметно в глагольной системе. Следствиями далеко зашедших морфологических и фонологических процессов являются, во-первых, непрозрачность многих грамматических (а порой и корневых!) морфем; во-вторых, невозможность четкой локализации грамматического значения и фактически его «дисперсия» по всему слову (с явным сдвигом в сторону исторической «флексии»); в-третьих, когнитивная выделенность словоформы как целого (а не морфемы); в-четвертых, малая эффективность апелляции к историческим «морфемам» при описании словоизменения. Мы, разумеется, говорим лишь об *общей тенденции*, однако показательно, что сами античные грамматисты посчитали наиболее эффективным именно словесно-парадигматический подход. Стоит отметить, что в западной науке о языке словесно-парадигматический подход долгое время вообще являлся доминирующим (само понятие «морфемы» было введено в европейскую лингвистику И.А. Бодуэном де Куртене лишь в 1881 г.!).

Таким образом, лежащая в основе элементно-комбинаторного подхода аддитивная метафора не является универсальной для западной науки о языке. Она представляет собой весьма упрощенную идеализацию и не работает в полной мере даже в случае агглютинативных языков. Перспективной альтернативой аддитивной метафоре может являться то, что известно в литературе как *аддитивно-фузионный континuum*: на «аддитивном» полюсе располагается идеальный язык, который хорошо описывается в рамках элементно-комбинаторного подхода, а на «фузионном» полюсе – язык, который хорошо описывается с помощью словесно-парадигматического подхода. Реальные языки никогда не отражают ни аддитивный, ни фузионный идеал полностью и всегда находятся где-то между ними.

Морфосинтаксическая операция и морфосинтаксический тип

Абсолютизация аддитивной метафоры порождает еще одну опасную иллюзию – иллюзию того, что *приращение смысла* достигается в языке исключительно путем приращения формы, то есть путем *соединения* морфем. Конечно, такой тип приращения смысла, как в слове *лес-н-ой*, который можно охарактеризовать как аддитивную аффиксацию, является в языках мира наиболее распространенным: к корневому элементу или к «основе» добавляются элементы с грамматическими значениями (а иногда и лексическими), в результате чего образуется словоформа с комплексным значением. Однако модификация смысла (в том числе в европейских языках) достигается и многими другими способами, и существуют языки, в которых аддитивная аффиксация не является главным способом приращения смысла, но находится на периферии морфологических процессов. Поэтому для максимально полного учета типологических вариаций правильно говорить, что словообразование и словоизменение происходят не путем *присоединения* к корню или основе морфемы с грамматическим значением («*аффикса*»), а путем *осуществления над корнем или основой морфосинтаксической операции*. И в целом, видимо, более верно было бы сказать, что происходит смысловая модификация морфемы/основы (или даже словоформы), а не только приращение смысла в буквальном плане (в противном случае мы бы подразумевали, что корень во всех языках мира когнитивно прозрачен и значим, что явно не так).

В самом общем виде *морфосинтаксическая операция* может быть определена как операция, ведущая к модификации языковой формы и изменению грамматического или лексического значения. Ниже приводится классификация основных морфосинтаксических операций, используемых в языках мира (жирным шрифтом выделены модификации в морфеме/словоформе):

Суффикс/постфикс: записал/записывал, собака/собаки.

Префикс: нёс/принёс

Инфикс: санскрит *uij-* «запрягать» / *yunāk-ti* «он запрягает»

Трансфикс: хауса *gárkèè* «стая» / *gáràkáá* «стай»

Чередование: *гонит/гнал*; англ. *drɪŋk/drənk/drʌŋk*

Изменение ударения (тона): пересыпать/пересыпать

Геминация: арабский *darasa* «учить» / *darrasa* «обучать» (< «заставлять учить», каузатив)

Удвоение: санскрит *dhā-* «класть» / *da-dh-úr* «оны положили»; самоанский *alofa* «он/она любит» / *alolofa* «оны любят»

Усечение: мурле *rottin* «воин» / *rottı* «воины»

Метатеза: клаллам *pkw'ə-* «куриТЬ» / *rəkw'-* «хотеть курить»

По приведенной классификации видно, что аддитивная аффиксация (префиксация и постфиксация) составляет лишь незначительную часть возможных морфосинтаксических операций. Важно понимать, что, несмотря на широкую распространенность подобной аффиксации, приведенные выше операции в языках мира отнюдь не маргинальны. Существуют языки, в которых чередование, трансфиксация и инфиксация вообще являются доминирующими процессами. Для схватывания этих и других особенностей языкового моделирования мы предлагаем понятие *морфосинтаксического типа*.

Морфосинтаксический тип – это характеристика языка на основе используемых морфосинтаксических операций, их распространенности, продуктивности и когнитивной значимости; он отражается на работе всего когнитивного аппарата, связанного с обработкой языка и, вероятно, способен влиять на отдельные высокоуровневые процессы. При оценке морфосинтаксического типа должны учитываться следующие базовые признаки: 1) когнитивный статус морфем/словоформ и морфосинтаксических операций на *синхронном уровне*; 2) структура корня; 3) морфосинтаксическая доминанта в словообразовании и словоизменении (то, какие из операций наиболее распространены и когнитивно значимы); 4) индекс синтеза, исходя из когнитивного статуса морфем/словоформ (должны считаться только синхронические морфемы); 5) место языка в аддитивно-fusionном континууме.

Отталкиваясь от этих базовых признаков, мы выделяем три морфосинтаксических типа: *ограниченно-сегментированный* (пример – ранние индоевропейские языки), *неконтактнотивный* (пример – арабский язык) и *морфология ad hoc* (пример – могаукский язык) (см: [Бородай 2022^a web]). Так, для первого типа характерны суффиксальная и апофоническая доминанта (при широком использовании различных морфосинтаксических операций), синтетизм и средняя степень фузии; для второго типа характерны трансфиксальная доминанта с элементами префиксации и суффиксации (общее количество используемых морфосинтаксических операций невелико), синтетизм и средняя степень фузии; для третьего типа характерны префиксально-суффиксальная доминанта, полисинтетизм и низкая степень фузии. Этот анализ должен считаться описательным и потому предварительным, поскольку важные психолингвистические данные, по которым только и можно определить *реальный* когнитивный статус морфем/словоформ и морфосинтаксических операций (то есть содержание языковой памяти и релевантные модели продуцирования речи), для неевропейских языков фрагментарны и пока явно недостаточны. Тем не менее стоит отметить эвристическую ценность упомянутого анализа, поскольку удалось показать, что: 1) при оценке доминирующих морфосинтаксических операций должны учитываться различия в словообразовании и словоизменении; 2) грамматические средства и грамматические значения конкретного языка могут быть тесно связаны, то есть определенные операции могут использоваться для реализации строго определенных значений (типологически это в целом не так); 3) несмотря на возможность классификации и ее полезность для компаративных целей, каждый морфосинтаксический тип должен рассматриваться автономно – как относительно замкнутый *когнитивный гештальт*.

Отдельно нужно сказать об упомянутом выше арабском морфосинтаксическом типе. Как уже указывалось, в этом типе доминирует то, что в лингвистической литературе известно как трансфиксация, или внутренняя флексия, – в стандартный трехсложный корень вставляются гласные (иногда также удаиваются согласные), за счет чего и образуется полноценная словоформа с грамматическим значением. Для описания того, как устроен арабский морфосинтаксический тип, использовалось множество различных подходов, которые в целом можно разбить на три группы: относящиеся к арабской языковедческой традиции (АЯТ), подход «корень-модель» (root and pattern), современные подходы⁵. Разработанные в рамках АЯТ теории подробно разбираются в работах А.В. Смирнова, к которым мы и отсылаем читателей; для этих теорий характерна «процессуальная» перспектива и стремление к тому, что мы бы определили как гештальтное описание арабского морфосинтаксического типа. Очевидная слабость такого подхода состоит в том, что он имеет дело с идеализированным литературным языком (а не с разговорными языками, в которых мы наблюдаем живые процессы развития конфигураций), в своих интерпретациях не учитывает историческую динамику и предлагает *ad hoc* объяснения для «неканонических» форм. Что касается подхода «корень-модель», то он доминировал в западной науке до середины 1980-х гг.: согласно этому подходу, арабская морфология может быть представлена как глобальная система моделирования на базе корня. С середины 1980-х гг. такое представление – прежде всего, ввиду своей идеализированности, дескриптивности и отсутствия психолингвистической верификации – все чаще начинает подвергаться критике, в результате чего возникли альтернативные теории, преимущественно в рамках словесно-парадигматического подхода. Пока ситуация выглядит так, что мы имеем набор самых разных описаний, претендующих на вскрытие «внутренней логики» функционирования арабского морфосинтаксического типа, однако ни одно из этих описаний не фундировано в достаточной мере в психолингвистическом материале – просто потому, что в мировой психолингвистике по-прежнему крайне мало исследований, посвященных арабскому языку, а имеющиеся исследования дают противоречивые результаты даже по таким базовым проблемам, как когнитивная реальность арабского трехсогласного корня⁶.

Образы устроения языка

Итак, естественный язык не может быть адекватно описан с использованием блоковой модели, согласно которой он «складывается» из относительно автономных элементов. Две разновидности этой модели – ономатическая метафора и аддитивная метафора – значительно упрощают ситуацию и не позволяют сколько-нибудь последовательно схватить реалии языка. Но как мы вообще должны понимать «устройство», «структуру», «организацию» языка? По справедливому замечанию Гумбольдта, язык – это не ёроч, а ёвёреца, живая и динамичная действительность. Если и говорить об «устройении» языка, то в том смысле, что язык *перманентно динамически выстраивает себя, то есть представляет собой динамическую структуру, наподобие аутопоэтической системы*. В этой структуре по степени «энергийности» могут быть выделены разные пласти: какие-то пласти относятся к далекому прошлому, какие-то – представляют собой живые новообразования, меняющиеся на глазах, какие-то находятся в дремлющем виде и готовы пробудиться, а какие-то плодотворно работают уже на протяжении многих веков. Используя другую метафору, можно сказать, что актуальный язык – это точка пересечения разнонаправленных потоков, точка схождения многообразных надводных и подводных течений. Нужно понимать, что, локализуя язык в определенном хронотопе и называя это «синхроническим» уровнем, мы производим искусственную операцию: такой язык в полном виде не существует ни в одном сознании, и в то же время ни одна грамматика и ни один словарь не способны исчерпывающе схватить то, как реальный язык представлен в сознании говорящего. Тем не менее локализация необходима, ведь без нее изучение и понимание языка вообще

не было бы возможно. Как раз ошибкой является обратное, а именно – рассмотрение языка безотносительно к исторической динамике, как полностью застывшей надвременной структуры, где одинаковым когнитивным статусом обладают все элементы и процедуры, которые в *принципе* допускают лингвистическую реконструкцию. В таком видении языка как будто подразумевается, что все разнонаправленные потоки существуют одновременно, и они одинаково значимы для его носителя – явный анохронизм, ведущий кискаженному изображению языка, к созданию лингвистических фантасмагорий.

Тут мы подходим к проблеме *образов устройства языка*. Можно выделить по меньшей мере три имплицитных образа, лежащих в основе имеющихся лингвистических описаний. Первый образ, который можно назвать *донаучным*, подразумевает представление языка как идеального строения, которое создано природой, установителем имен, Богом или какой-то иной инстанцией. При описании такого языка важно соблюсти эту идеальность, что достигается разными способами: например, жесткой систематизацией явных регулярностей и объявлением всего иррегулярного «отклонением», «порчей», «искажением». Самое главное здесь то, что описание языка руководимо какой-то определенной метафизикой или, по крайней мере, находится под ее сильным влиянием.

Второй образ языка, который можно назвать *классическим научным*, подразумевает представление языка на естественнонаучный манер или предполагает использование компонентов неявной сциентистской метафизики для объяснения устройства языка. В наиболее проработанном виде он был представлен в классическом структурализме. В рамках этой модели акцент делается на регулярностях, правилах, системности и унифицированном представлении.

Тем не менее наиболее адекватным нам представляется третий имплицитный образ языка, который можно охарактеризовать как *когнитивно-ориентированный*. Главная идея концепции такого рода состоит в следующем: необходимо описывать то, как в работе языка отражаются более общие когнитивные механизмы, в том числе связанные с «мышлением» (в широком смысле). Поэтому она стремится к описанию *когнитивной реальности языка*. Она тоже делает акцент на выявлении регулярностей, правил, системы и унифицированном представлении, однако не абсолютизирует эти задачи, поскольку принимает тот факт, что всякий актуально схватываемый язык с неизбежностью вырывается из своей диахронической динамики и потому препрезентирует регулярности лишь *отчасти*. Важной особенностью когнитивно-ориентированного подхода является стремление разделить описываемые регулярности и когнитивную реальность, стоящую за этими регулярностями: иными словами, он признает, что не все описываемые регулярности отражают реальные механизмы, функционирующие в сознании (точнее – в когнитивном бессознательном) носителя языка в данный момент; часть из них – это просто дефекты использования лингвистического инструментария или реконструкции на основе прошлых периодов развития языка. От конкретного описания языка к языку как когнитивной реальности нет автоматического перехода. Всякий подобный переход должен подтверждаться данными психолингвистики – содержанием языковой памяти, механизмами порождения речи, описанием того, как конкретный язык усваивают дети, примерами афазий и др. В этой концепции мы также находим попытку более рефлексивно подойти к инструментарию, сделать его менее формальным – вплоть до стремления описывать язык в его собственных терминах (что, впрочем, является, скорее, декларируемым идеалом). Важно понимать, что только когнитивно-ориентированная теория способна описывать структуру, устройство, «связность» в языке как когнитивно релевантном феномене, а не чисто искусственной и диахронически недоопределенной конструкции.

Заключение: структура языка и логико-смысловые конфигурации

Теперь мы можем вернуться к сформулированному в начале статьи вопросу: как связаны структура языка и логико-смысловые конфигурации? К сожалению, при современном уровне знаний дать надежный ответ на этот вопрос *невозможно*. Нам не достает психолингвистических материалов, которые позволили бы подтвердить или опровергнуть синхронную и когнитивную релевантность тех структур и моделей связности, которые мы описываем в случае европейских, семитских и других языков. Нет уверенности в том, что эти описания не являются отчасти следствием дефекта инструментария и смешения диахронического и синхронического планов. Только когнитивно-ориентированная теория, поддержанная солидным эмпирическим материалом психолингвистики, способна отделить реальный когнитивный статус языкового феномена от рассеянной по времени реконструкции, актуальную модель от реликтовой модели, работающую операцию от устаревшей операции, вычленяемый носителем элемент (морфему, корень и пр.) от стершегося элемента, связанные друг с другом словоформы от утративших взаимную связь.

Тем не менее полученный результат не является чисто отрицательным. Напротив, он открывает дорогу для более надежных результатов в будущем. И уже сейчас, опираясь на донаучные и классические научные концепции, а также зарождающиеся когнитивно-ориентированные концепции и материалы психолингвистики, можно *предположить*, что в языках мира отражены как минимум три уже упомянутые глобальные когнитивные структуры: *ограниченно-сегментированная, неконкатенативная и морфология ad hoc*. Не исключено, что они отражают три разных способа смыслополагания, два из которых рассмотрены в логико-смысловой теории А.В. Смирнова, или, что более вероятно, три разные логико-смысловые *доминанты* при наличии периферийных и всегда работающих альтернативных операций. Эти логико-смысловые доминанты могут коррелировать с доминантами в других областях культуры, например в музыке (что описано в теории Г.Б. Шамилли). Но повторимся: развитие этих и других концепций должно происходить в строгом соотнесении (и параллельно) с развитием когнитивно-ориентированной теории языка, которая прокладывала бы путь от описываемых языковедом регулярностей к тому набору регулярностей, которые имеют *когнитивную реальность*.

Примечания

¹ Альтернативное описание этого процесса, представленное в арабской языковедческой традиции, рассмотрено в статье [Смирнов 2023].

² О происхождении понятия и возможных когнитивных следствиях полисинтетической морфологии такого типа см. [Бородай 2020, 609–619].

³ Конечно, этот инструментарий будет с неизбежностью ограниченным в логическом и методологическом планах. О том, как в *идеале* стоило бы строить лингвистическую и культурную типологию, нет возможности рассуждать в данной статье.

⁴ Подробнее см. [Silverstein 1981], а также анализ на более широком материале: [Бородай 2020, 196–200].

⁵ См. краткий обзор основных европейских теорий: [Ratcliffe 2013].

⁶ См. обзор дискуссий: [Boudelaa 2013].

Ссылки – References in Russian

Бородай 2020 – Бородай С.Ю. Язык и познание: введение в пострелятивизм. М.: Садра: ЯСК, 2020.

Бородай 2022^a web – Бородай С.Ю. К вопросу о связи структуры языка и логико-смысловых конфигураций. Доклад на семинаре «Музыка в культуре». ГИИ, Москва, 16 мая 2022 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SeM8pglh0vL8>

Бородай 2022^b – Бородай С.Ю. Преодолевая словоцентризм: на пути к новым основаниям философии языка // Осознать смысл, осмыслить сознание: манифест Другой философии / Отв. ред. серии Р.В. Псху; отв. ред. тома А.В. Смирнов. М.: Садра, 2022. С. 301–324.

Плунгян 2016 – Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. 5-е изд. М.: URSS, 2016.

Смирнов 2021 – Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания. Приглашение к размышлению. М.: ЯСК, 2021.

Смирнов 2023 – Смирнов А.В. Логико-смысловое исследование арабского языка: вопросы словообразования // Вопросы философии. 2023. № 12. С. 50–64.

Шамили 2023 – Шамили Г.Б. Надындивидуальные механизмы языка и музыки: три шага к формулировке гипотезы // Вопросы философии. 2023. № 12. С. 25–36.

References

- Bauer, Laurie (2003) *Introducing Linguistic Morphology*, Edinburgh University Press, Edinburgh.
- Boroday, Sergei Yu. (2020) *Language and Cognition: an Introduction to Post-relativism*, Sadra, IaSK, Moscow (in Russian).
- Boroday, Sergei Yu. (2022) “On the Relationship between Language Structure and Logical-Sense Configurations”, *Paper presented at the seminar “Music in Culture”*, SIAS, Moscow, May 16, 2022, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SeM8pgh0vL8> (in Russian).
- Boroday, Sergei Yu. (2022) “Overcoming Word-centrism: Towards a New Foundation for the Philosophy of Language”, Pskhu, Ruzana V., Smirnov, Andrei V., eds., *How Our Consciousness Makes Sense for Us*, Sadra, Moscow, pp. 301–324 (in Russian).
- Boudela, Sami (2013) “Psycholinguistics”, Owens, Jonathan, ed., *The Oxford Handbook of Arabic Linguistics*, Oxford University Press, Oxford, pp. 369–391.
- Plungyan, Vladimir A. (2016) *General Morphology: an Introduction*, URSS, Moscow (in Russian).
- Ratcliffe, Robert (2013) “Morphology”, Owens, Jonathan, ed., *The Oxford Handbook of Arabic Linguistics*, Oxford University Press, Oxford, pp. 71–91.
- Shamilli, Giultakin B. (2023) “Supra-individual mechanisms of language and music: three steps to the formulation a hypothesis”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2023), pp. 25–36 (in Russian).
- Silverstein, Michael (1981) “The Limits of Awareness”, *Working Papers in Sociolinguistics*. No. 84, Southwestern Educational Laboratory, Austin.
- Smirnov, Andrei V. (2021) *Logic of Sense as a Philosophy of Consciousness (an Invitation to Discussion)*, YaSK, Moscow (in Russian).
- Smirnov, Andrei V. (2023) “Logic-and-meaning Study of Arabic Literary Language: Morphogy vs. *ishtiqaq*”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2023), pp. 50–64 (in Russian).
- Talmy, Leonard (2000) *Toward a Cognitive Semantics. Vol. I: Concept Structuring System*, MIT Press, Cambridge.

Сведения об авторе

БОРОДАЙ Сергей Юрьевич –
магистр филологии, научный сотрудник
Института философии РАН

Author's Information

BORODAY Sergey Yu. –
Master of Sciences in Philology,
Research Fellow of the Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.